

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

Е.И. Кычанов **и изучение документов из Хара-Хото**

Город Хара-Хото находится в хошуне Эдзина Внутренней Монголии. Китайцы называют его Ицзэна (唵則那), монголы — Эдзин-гол. Его старое китайское название — Хэйшуйчэн (黑水城), а по-тангутски он именовался 纛祗 (zjir 2.85 nja 1.21). В 1900 г., во время Монголо-Камской экспедиции (1899–1901) П.К. Козлов направил на поиски потерянного города своего помощника А.Н. Казнакова, который, однако, не добился результата. Местное население не выдавало местонахождение развалин. Чтобы получить средства на дальнейшие исследования, П.К. Козлов через несколько лет представил царю три тома научных исследований по результатам Монголо-Камской экспедиции. В июле 1907 г. путешественник получил аудиенцию у Николая II, а в октябре того же года, перед самым отбытием в новую, Монголо-Сычуаньскую экспедицию, состоялась вторая аудиенция у императора, на которой присутствовал также цесаревич Алексей.

В марте 1908 г. П.К. Козлову удалось наконец обнаружить Хара-Хото. В начале 1909 г. он раскопал древний субурган, в котором было обнаружено множество буддийских статуй, вылепленных из глины, а перед ними груды были свалены сотни буддийских сутр на тангутском языке. Находки были отправлены в Санкт-Петербург для обработки и изучения специалистами из разных стран.

Экспедиция П.К. Козлова проводилась с ведома цинского правительства и находилась под контролем местных властей. Археологические работы были разрешены официально. Появившиеся позднее неоправданные высказывания о том, что открытие П.К. Козлова было не чем иным, как «разбойным хищением», возникли на этапе напряженных дипломатических отношений двух стран и не имеют отношения к позиции китайских ученых. И сегодня нам надлежит забыть о былых разногласиях и объективно оценить заслуги П.К. Козлова. Выдающийся китайский исследователь Чэнь Инь-цюэ в свое время отметил: «Каждое поколение ученых должно иметь новые материалы для изучения

и новые научные проблемы — это и составляет тенденции эпохи». Документы, открытые П.К. Козловым, имеют огромное значение для науки: в них представлены и «новые материалы», и «новые проблемы». Нельзя забывать и того, что российские ученые первыми начали работать в области тангутоведения и всегда занимали в нем лидирующие позиции.

Изучение полученных материалов началось с исследования обнаруженного в субургане человеческого скелета, который находился в окружении буддийских статуй. По результатам исследования, проведенного антропологом Ф.К. Волковым, скелет принадлежал женщине старше 50 лет¹. По ее зубам, лицу и черепной кости можно сделать предположение о китайском происхождении. По мнению Л.Н. Меньшикова, скелет женщины мог принадлежать вдове правителя Си Ся Жэнь-цзуна (1139–1193) — Жэнь-сяо из рода Ло. Она была вдовствующей императрицей при правлении Чунь-ю (1194–1205). Когда ее старший двоюродный брат Аньцюань (1206–1211) захватил власть в результате дворцового переворота, ее сослали в Хара-Хото, где она стала монахиней и вскоре умерла. Предположение, что найденный скелет принадлежал женщине из рода Ло, подтверждается оттисками печатей Ло на обнаруженных книгах. Поэтому гипотеза Л.Н. Меньшикова представляется вполне обоснованной.

Наиболее интересным документом, найденным в Хара-Хото, является китайско-тангутский и тангутско-китайский словарь «Фань хань хэши чжан чжунчжу» (番漢合時掌中珠), исследованный А.И. Ивановым². Помимо него А.И. Иванов обнаружил словари «Тун инь» (同音) и «Вэнь хай» (文海) и в 1918 г. сообщил об этом в своей публикации³. Он также составил собственный тангутско-китайско-русский словарь, содержащий 3000 иероглифов, к сожалению, по ряду причин так и не увидевший свет.

Китайский исследователь Ло Чжэнь-юй пытался расшифровать фрагменты «Фань хань хэши чжан чжунчжу» по фотографиям, которые были высланы ему А.И. Ивановым в Киото. Его сыновья Ло Фу-чэн и Ло Фу-чан также принялись за изучение тангутского языка и достигли немалых успехов. Вскоре Ло Фу-чан безвременно скончался, а Ло Фу-чэн в 1932 г. подготовил для «Бюллетеня Пекинской национальной библиотеки» «Специальный выпуск по тангутской письменности» (Си Ся вэнь чжуань хао 西夏文專號), ставший незаменимым источником по тангутоведению. Позже Ван Цзин-жу, основной темой исследования которого была «Сутра золотого блеска», создал труд «Исследования Си Ся» (вып. 1–3)⁴, за что был удостоен премии Ст. Жюльена. Развитию тангутоведения на раннем этапе немало содействовали также труды Исихама Дзюнтаро, Поля Пеллио и Марка Аурела Стейна.

Выдающийся вклад в мировое тангутоведение внес Н.А. Невский. После возвращения в СССР из Японии в 1929 г. он приступил к изучению и инвентаризации тангутских документов Азиатского музея. Вскоре он составил краткое

¹ Волков 1914.

² Иванов 1909.

³ Иванов 1918.

⁴ Ван Цзин-жу 1932–1933.

описание тангутских рукописей и ксилографов, которое было опубликовано в 1932 г. в специальном выпуске «Бюллетеня Пекинской национальной библиотеки»⁵. К сожалению, его научным планам не суждено было воплотиться в жизнь.

После Н.А. Невского с тангутским фондом Азиатского музея работали А.А. Драгунов, К.К. Флуг и З.И. Горбачева.

Из современных российских ученых наиболее значительный вклад в тангутоведение внес Е.И. Кычанов. Один из его фундаментальных трудов — исследование тангутского памятника «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)», изданное в Москве в 1986–1989 гг. После того как в 1987 г. вышел второй том этой работы, я в Китае подал официальную заявку на получение финансирования для ее перевода на китайский язык и одновременно организовал группу переводчиков. К тому времени, когда Е.И. Кычанов смог приехать в Китай, нами были уже подготовлены переводы первых глав. В предисловии к китайскому изданию, вышедшему в 1988 г., Е.И. Кычанов написал: «Уважаемые китайские читатели! В Народном издательстве Нинся меня попросили написать несколько слов о тангутском кодексе XII в. и его переводе на китайский язык. Скажу честно, я потратил около 20 лет на данное исследование, а также на ряд опубликованных и еще не опубликованных статей»⁶.

Перевод труда Е.И. Кычанова был издан в Иньчуани (пров. Нинся) неслучайно. Дело в том, что именно на этой территории когда-то находилось тангутское государство, а город Иньчуань был его столицей. Этот регион также примечателен тем, что здесь проживает народность хуэй, исповедующая ислам. У профессора Е.И. Кычанова в китайском издании перевода тангутского кодекса есть примечательный тезис. Он пишет: «Население Си Ся было смешанным, основную часть его составляли тангуты (цяны), китайцы, тибетцы и уйгуры. После монгольского завоевания этой территории ее населили монголы и иммигранты из Мавераннахра. Китайский язык был средством общения представителей самых разных национальностей, а религией был ислам. Вопрос о том, где и как именно это произошло, имеет вполне реальное объяснение. Почему все-таки ислам стал религией населения территории Си Ся в юаньский период (хотя и не всего населения, но подавляющего большинства)? И почему стало возможным, что ислам стал основной религией на этой территории? Необходимо отметить, что иммигранты из Западного края были выходцами из мусульманских стран. У меня нет точных сведений о количестве иммигрантов, однако очевидно, что численность чужаков должна была быть меньше численности местного населения, которое исповедовало буддизм, — тангутов, тибетцев, китайцев, уйгуров и др. Для того чтобы заставить местное население принять ислам, необходимо было иметь политическую силу, а также властную возможность для его распространения»⁷.

Объясняя этот феномен, Е.И. Кычанов сообщает, что в это время правителем данной местности стал внук Хубилая Ананда-хан. Его отец Магала, тре-

⁵ Невский 1932.

⁶ Кычанов 1988, с. 1.

⁷ Там же, с. 1–2.

тий сын Хубилая, в 1271 г. получил титул правителя Парфии. Поскольку несколько его сыновей умерли в детстве, то Ананду, когда тот родился, отец сразу же отправил в Восточный Туркестан на воспитание к Мехтару Хасану Ахтаци, жена которого, как утверждает известный историк Рашид-ад-Дин, «имела непоколебимую веру и помнила Коран наизусть»⁸.

В 1279 г. Ананда-хан унаследовал трон правителя Парфии и получил в управление тангутские территории. В скором времени большая часть из 150-тысячной монгольской армии, находившейся под его началом, была обращена в ислам. Когда об этом сообщили Хубилаю, Ананда был взят под стражу. Однако, поскольку Хубилаю для сохранения престола требовались войска Ананды, того вскоре освободили. Хубилай-хан последовал совету своей жены Кокчин-хатун и разрешил ему исповедовать ислам. Наследник Хубилая Тимур-хан сочувственно относился к исламу, что дало Ананде возможность более активно насаждать ислам во время его правления. Он был убит в 1307 г. во время дворцовой распри. К сожалению, его биография не была включена в династийную историю Юань, поскольку с точки зрения официальной историографии он считался изменником. Его современник, историк Рашид-ад-Дин, писал, что ислам наконец распространился среди солдат армии Ананды и их дети и внуки тоже будут верить в единого Бога. Тезис великого историка оказался справедливым. К минской эпохе население северо-запада Китая было практически полностью китаизировано — так здесь появились китайцы-мусульмане. «Поэтому, — заключает Е.И. Кычанов, — я полагаю, нынешнее мусульманское население Нинся-хуэйского автономного района по своему происхождению имеет тесную связь с тангутским государством»⁹.

Издание китайского перевода выдающегося труда Е.И. Кычанова совпало с нормализацией отношений между Академией общественных наук КНР и Академией наук СССР. В 1988 г. в СССР с двухнедельным визитом прибыли 10 китайских ученых. Расходы (за исключением проезда) взяла на себя советская сторона. В числе этих ученых были два тангтоведа — Ши Цзинь-бо и автор этих строк. В один из дней декабря 1988 г. два представителя Института востоковедения встретили нас в Москве и проводили на поезд в Ленинград. На следующий день в восемь утра Е.И. Кычанов и М.В. Крюков встречали нас на Московском вокзале. Это был особенно холодный день, температура достигла отметки –37 градусов. Тем не менее мы тепло приветствовали друг друга, как будто были старыми друзьями. Позже Е.И. Кычанов в своем кабинете в Институте рассказал мне о своей работе по переводу «Измененного и заново утвержденного кодекса девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)». Во время этого визита мы также посетили Государственный Эрмитаж и благодаря содействию К.Ф. Самосюк смогли познакомиться с коллекцией искусства из Хара-Хото.

В это же время возникла идея о совместном издании материалов из Хара-Хото. В 1988–1989 гг. шла переписка о возможном визите Е.И. Кычанова и

⁸ Там же, с. 2.

⁹ Там же, с. 2–3.

тогдашнего директора Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР Ю.А. Петросяна в КНР для обсуждения этого вопроса. 3 марта 1989 г. Ю.А. Петросян написал нам, что публикация тангутских документов хотя и является делом непростым, но представляется весьма желательной и что российская сторона готова обсудить этот проект либо в Ленинграде, либо в Китае весной 1990 г. В результате в апреле 1990 г. директор ЛО ИВ АН Ю.А. Петросян и его заместитель Е.И. Кычанов прибыли в Нинся для переговоров, и мы подписали соглашение о сотрудничестве в издании российской коллекции тангутских документов из Хара-Хото.

Я хорошо помню, что Е.И. Кычанов, едва успев выйти из самолета, вручил мне копию текста «Шэн ли и хай» (聖立義海). Получив это сокровище, я незамедлительно приступил к переводу. Вскоре Ван Цзин-жу показал мне фотографии тангутской версии «Сань цай цза цзы» (三才雜字), также полученные им через Е.И. Кычанова, который попросил Ван Цзин-жу сделать перевод и исследование. Кроме того, Е.И. Кычанов обратился к Ван Цзин-жу с просьбой написать предисловие к сборнику в честь столетия со дня рождения Н.А. Невского. Он также обратился к автору этих строк с предложением написать совместно с ним еще одно предисловие. Это было свидетельством доверительного отношения Е.И. к нам, китайским ученым, а также его искреннего желания сделать тангутские документы доступными для исследователей.

К визиту Ю.А. Петросяна и Е.И. Кычанова мы очень хорошо подготовились. Нас принял заместитель председателя правительства Нинся товарищ Чэн Фа-гуан, который заверил нас, что, несмотря на то что провинция небогата, местные власти готовы выделить на издание документов из Хара-Хото 2 млн. юаней. Мы имели и силы, и средства осуществить этот проект в Иньчуани, но в итоге ситуация изменилась, и по ходатайству профессора Ши Цзинь-бо руководство Академии общественных наук КНР приняло решение поручить подготовку совместного издания документов из Хара-Хото Институту национальностей АОН КНР и шанхайскому издательству «Древняя книга» (Шанхай гуцзи чубаньшэ).

Российская коллекция документов из Хара-Хото хранится в Санкт-Петербурге уже более 100 лет. Она еще полностью не раскрыта миру, немногим знакомо ее богатство, а ее главному хранителю Е.И. Кычанову в этом году исполняется 80 лет. Он посвятил этим рукописям всю свою жизнь, но сколько еще потребуются, чтобы полностью раскрыть их научное значение? Мы, тангутоведы, искренне надеемся, что совместными усилиями мирового академического сообщества вскоре сможем воплотить в жизнь задачу по классификации, оцифровке, публикации и изучению этого наследия мировой культуры.

К настоящему времени уже сделано немало, но большую часть работы еще предстоит осуществить. По моему мнению, когда тангутские материалы будут введены в научный оборот полностью, повысится интерес к ним со стороны исследователей тибетской культуры и тибетского буддизма. Потребуется усилия молодых специалистов, которых пока пусть и немного, но неизменно становится все больше. Сейчас мы можем быть уверены, что усилия сотруд-

ников шанхайского издательства «Древняя книга» помогают открыть путь для всех интересующихся культурным наследием Си Ся и, бесспорно, заслуживают высокой оценки мирового научного сообщества.

Мы знаем, что профессора Е.И. Кычанова всегда глубоко волновали проблемы воспитания специалистов для работы с тангутскими рукописями. Сегодня, поздравляя Е.И. с юбилеем, мы спешим уверить его, что китайские тангтоведы, специалисты и представители правительства Нинся готовы довести эту работу до конца. Давайте дорожить каждой секундой!

Три новых тангутских иероглифа

В ходе изучения тангутского текста «Книги о сыновней почтительности» («Сяо цзин»), записанного скорописью, я обнаружил три новых тангутских иероглифа, созданных переводчиком текста на тангутский язык. Я хотел бы почтительно преподнести их с моими комментариями в качестве подарка юбиляру — выдающемуся тангтоведу Е.И. Кычанову.

Это иероглиф, использованный для передачи китайского *я* 雅 («ода») в названии «Да я» 大雅 («Великие оды»), а также два знака, сочетание которых передает китайское слово *шэцзи* 社稷 («алтарь»).

Какое же значение имеет сочетание *да я* 大雅 в китайском языке? Как известно, «Книга поэзии» («Ши цзин») содержит разделы «Великие оды» и «Малые оды». «Великие оды» в большинстве представляют собой музыкальные мелодии столицы начала Западной Чжоу. Иногда иероглиф *я* 雅 используется для обозначения «дурных звуков варварской речи», отличных от пяти тонов (см. «Сюнь-цзы», гл. «О правлении вана» — «Ван чжи»). В предисловии Гуань-шуя к разделу «Ши цзина» «Чжоу нань» говорится, что поскольку у правления есть подъем и упадок и оно бывает великим и незначительным, то и оды также бывают «великими» и «малыми». Однако в более поздние времена «великими одами» стали называться стихи, воспевающие великие события. У танских поэтов Ли Бо и Лю Чжун-юаня есть такие произведения. В «Хань шу» содержится разъяснение, что слово *да я* 大雅 употребляется для обозначения таланта и благородства. У Бань Гу в «Одах Западной столицы» («Си ду фу») *я* 雅 имеет значение «милостивый, просвещенный». В тангутской же рукописи *я* употребляется только в значении «ода».

Рассмотрим так же значение *шэцзи* 社稷 в китайском языке. Словом *шэцзи* в древности обозначали «духов земли и злаков». В главе «Чжоу ли» описан ритуал поклонения Шэцзи-вану с принесением жертв. Древние династии первым делом устанавливали алтарь *шэцзи*, а тот, кто претендовал на ниспровержение государства, обязательно ликвидировал его. *Шэцзи* являлся символом государственной власти. В «Мэн-цзы» говорится: «Дороже всего народ. За ним следуют духи земли и злаков, а правитель ниже всего».

Отметим, что в тангутских текстах зафиксирована передача китайского *шэцзи* посредством сочетания 紘 糴. Иероглиф 紘 в нем имеет значение «земля» (кит. *ту* 土), а 糴 означает «злаки» (кит. *гу* 谷). Однако в тангутском скоро-

писном тексте «Книги о сыновней почительности», переведенном с китайского, для передачи слова *шэцзи* эти два знака не используются: автор перевода создал вместо них новые. Всего же таких новых знаков — три:

1192 80 𪛗 6075	(牙音 𪛗 音雅) ода (кит. я 雅)	𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 Кит. 《大雅》云：『無念爾祖，聿脩厥德。』 (《孝經》開宗明義章 第一)
1224 82 𪛘 6076	(正齒音 zja 音社) в соч. алтарь (кит. <i>шэцзи</i> 社稷)	𪛘 𪛘 𪛘 𪛘 𪛘 𪛘 𪛘 𪛘 𪛘 𪛘 Кит. 富貴不離其身，然後能保其社稷，而和其民人 (《孝經》諸侯章 第三)
9824 22 𪛙 6077	(齒頭音 tsjwak 音稷) в соч. алтарь (кит. <i>шэцзи</i> 社稷)	𪛙 𪛙 𪛙 𪛙 𪛙 𪛙 𪛙 𪛙 𪛙 𪛙 Кит. 富貴不離其身，然後能保其社稷，而和其民人 (《孝經》諸侯章 第三)

Перевод с английского С.Ю. Рыженкова

Литература

- Ван Цзин-жу 1932–1933 — *Ван Цзин-жу* 王靜如. Си Ся яньцзю (Исследование Си Ся) 西夏研究. 3 輯 (в 3-х вып.). Пекин: Голи чжунъян яньцзюань Лиши юйянь яньцзюсо 北平: 國立中央研究院歷史語言研究所, 1932–1933 (單刊甲種 Series A 13).
- Волков 1914 — *Волков Ф.К.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. II. 1914, с. 179–182.
- Иванов 1909 — *Ivanov A.I.* Zur Kenntniss der Hsi-Hsia Sprache // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. Т. 3. СПб., 1909, с. 1221–1233.
- Иванов 1918 — *Иванов А.И.* Памятники тангутского письма // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. Т. 12, № 8. Пг., 1918, с. 799–800.
- Кычанов 1987 — *Кычанов Е.И.* Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. Кн. 2: Факсимиле, перевод и примечания (главы 1–7). Издание текста, перевод с тангутского, исследование и примечания Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1987 (Памятники письменности Востока LXXXI, 2).
- Кычанов 1988 — *Кычанов Е.И.* Си Ся фа дянь — Тянь-шэн чжэн гай цзю дин синь люйлин (ди 1–7 чжан). Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание. Гл. 1–7 西夏法典 — 天盛爭改舊定新律令. Пер. на рус. яз. Е.И. Кычанова 克恰諾夫俄譯. Пер. на кит. яз. Ли Чжун-сяня 李仲三漢譯, ред. перевода Ло Мао-кунь 羅矛昆校訂. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 銀川: 寧夏人民出版社, 1988.
- Невский 1932 — *Невский Н.А.* 聶歷山. Ячжоуя боугуань Си Ся шуцзи мулу (Каталог тангутских памятников Азиатского музея) 亞細亞博物館西夏書籍目錄 // Голи Бэйпин ту-шугуань кань (Бюллетень Пекинской национальной библиотеки) 國立北平圖書館館刊. 1932 (4.3), с. 385–388. Си Ся вэнь чжуань кань (Специальный выпуск по тангутской письменности) 西夏文專號.